

ВВЕДЕНИЕ РУССКОЙ ЮРИСДИКЦИИ В УРЯНХАЙСКИЙ КРАЙ (1914—1917 гг.)

А. А. Самдан,

Тувинский институт гуманитарных и прикладных исследований

при Правительстве Республики Тыва, г. Кызыл, Российская Федерация

В статье рассматривается попытка реформирования судебной системы в период российского протектората над Урянхайским краем. Данный вопрос изучался на разных уровнях, в том числе два раза обсуждался в Совете Министров Российской империи с участием министров внутренних и иностранных дел, генерал-губернатора и представителей местных властей. Поскольку судебное и административное устройства переплетались друг с другом, то введение российской юрисдикции в полном объеме осложнилось именно с невозможностью проведения административной реформы в Туве. Кроме того, тувинские правители не были готовы к переменам, вернее, не желали их. Судебная власть, которая осуществлялась почти всеми тувинскими чиновниками, составляла в их деятельности чуть ли не основную часть. Отличия в досудебном и судебном расследовании русского и традиционного тувинского судопроизводства, например, когда во время предварительного расследования обвиняемых тувинцев заключали в тюрьму, а в традиционном суде только после вынесения судебного приговора, виновный подвергался наказанию — приводили к определенному непониманию с обеих сторон. Тувинцы больше всего боялись оказаться в тюрьме, где их ждала в большинстве случаев смертельный исход, и предпочитали традиционные меры наказания в виде битья кнутами, ношением кандалов и др. Российские власти разработали положение о смешанном суде, позднее попытались адаптировать к местным условиям положение об устройстве суда кочевых инородцев Забайкальской области. Но революционные события в России и другие причины не позволили их реализовать.

Ключевые слова: Тува, судебная власть, смешанные суды, традиционный суд.

Решения «урянхайского вопроса» в Совете Министров Российской империи

В результате Синьхайской революции 1 декабря 1911 г. Внешняя Монголия объявила себя независимым и самостоятельным государством. 12 февраля 1912 г. Китай стал республикой. А в январе 1912 г. амбын-нойон Тувы Комбу-Доржу провел общетувинский съезд, в котором было решено обратиться к «Белому» царю о покровительстве, тем самым активизировав решение «урянхайского вопроса».

Изменившаяся политическая ситуация требовала от российских властей принятия ряда мероприятий, в том числе проведения административной¹ и судебной реформ. Эти вопросы несколько раз обсуждались в Совете Министров Российской империи. Основная дискуссия развернулась вокруг вопроса о распространении русской юрисдикции в Туве. При этом в правительственных кругах России существовало об этом не совсем верное представление. Его озвучил министр юстиции И. Г. Щегловитов на заседании Совета Министров 3 января 1913 г., который считал, что «отправление правосудия в Урянхайском крае за последнее время беспрепятственно осуществлялось русскими мировыми судьями, периодически объезжавшими поселения... края, причем русские судьи принимали к своему рассмотрению дела независимо от подданства сторон» [9, с. 68].

¹ Об административной реформе в Туве в данный период см.: Самдан А. А. «Усиление российского политического влияния и административная реформа в Туве // Oriental Studies (Вестник КИГИ РАН). 2018. № 5. С. 2—13. URL: <https://kigiran.elpub.ru/jour/issue/view/68/showToc>.

Другое мнение имел иркутский генерал-губернатор Л. М. Князев, отмечавший лишь единичные случаи обращения тувинцев к русской судебной власти, которые вовсе не говорят о том, что «мировой судья разбирает и теперь дела независимо от подданства сторон. Все дела, возникающие между туземцами, разбирались и разбираются ныне их родовым судом» [5, с. 37].

16 мая 1914 г. на очередном заседании Совета Министров по вопросу «Об устройстве управлений и судебной части в Урянхайском крае» министр юстиции озвучил мнение старшего председателя Иркутской судебной палаты Н. П. Еракова, который считал, что после упразднения прежнего китайского суда в Туве не организована судебная власть, поэтому «необходимо распространить компетенцию русского суда и на более важные судебные дела между тувинцами. Мелкие уголовные и гражданские дела между последними, не затрагивающие русских интересов, как считал Н. П. Ераков, могут быть «предоставлены их родовому суду на тех же основаниях, на каких... функционируют у нас особые инородческие суды» [9, с. 100]. Кроме того, он предложил на первое время освободить местное население от уплаты установленных судебных пошлин, поскольку, как писал иркутский генерал-губернатор Л. М. Князев: «...малокультурный туземец не понимает истинного смысла требования об уплате судебных пошлин и истолковывает их как личный подарок судье. Так, неприятие мировым судьей уплаты причитающихся пошлин от урянха бараньими шкурами, которые части играют у туземцев роль разменной монеты,

истолковывалось как требование более ценного подношения» [5, с. 38].

Министр юстиции И. Г. Щегловитов в целях исполнения данных решений приказал Красноярскому окружному суду и мировому судье Усинского края рассматривать дела, возникающие между русскими, русскими в отношении тувинцев и иностранных подданных, по искам, предъявляемым тувинцами и иностранцами к русским, а также «относившиеся прежде к ведению суда особых съездов уголовные и гражданские дела, по коим обвиняемыми или ответчиками являются туземцы» [6, с. 392] и, таким образом, тувинским чиновникам должны были оставаться только гражданские и уголовные дела между тувинцами, не затрагивающие интересы русских.

Традиционное судоустройство

Следует отметить, что в Туве административная и судебная власти не были отделены друг от друга. Тувинские нойоны разных рангов были наделены «компетенциями отправлять правосудие между подведомственными ему сойотами (тувинцами — А. С.)». Как заметил комиссар по делам Урянхайского края В. Ю. Григорьев, «...судит арбан-дарга (начальник десятка) в сумоне, судит цзанги (начальник сумо) или его помощник — кунду, судят хошунные чиновники, ...судят цзаланы, т. е. тоже чиновники, не имеющие постоянных обязанностей, судит и сам будге-дарга (правитель хошуна)» [9, с. 265]. Судопроизводство было письменным. Судебный процесс проходил в открытой форме, присутствовали все желающие мужского пола. На одном судебном заседании рассматривали несколько дел. И дознание, и наказание осуществлялось тут же. «При самом судебном следствии и в качестве наказаний прибегали к употреблению разного рода пыток и истязаний, такими как удары по щекам шагаем, битье палками, содержание в колодках и проч. Практиковалось наложение штрафов, исчисляемое кратно к основной данной единице штрафа, но не более 9-и крат» [7, с. 122].

Для получения признания виновного и в качестве наказаний широко применялись разного рода пытки и истязания. Большинство гражданских и уголовных дел были подсудны «чыышам» или «суду особых съездов в составе начальников (мейрин или цзанги)» [9, с. 99]. Но это не означало, что они единолично принимали решения по тем или иным делам. При скоплении дел стороны ответчика и потерпевшего, сумонные, хошунные нойоны и чиновники, собирались на чыыше (съезде), а в случае смешанных дел — принимали участие русские и китайские представители. Решения, вынесенные на этих съездах, считались окончательными и не подлежали обжалованию. Деятельность судей была безвозмездной.

Как правильно отметил В. Г. Дацышен: «преступность в Урянхайском крае, в том числе и в тувинском обществе, была явлением почти исключительным» [5, с. 38]. В свое время мировой судья А. В. Барашков также писал, что «мирные и кроткие урянхи редко впадают в преступление, <...> их грехи сводятся к ничтожным посягательствам на имущество и ссорам между собою. За последнее

трехлетие зарегистрирован лишь один случай совершения убийства урянхами» [4, л. 170]. Но здесь следует отметить, что это справедливо только в отношении тяжких преступлений.

Российские учреждения власти в Туве

В августе 1912 г. А. В. Барашков был назначен мировым судьей, в территорию его обслуживания входили Усинский округ и Урянхайский край. Позднее предлагалось организовать участки мирового судьи в Туране и пос. Чаа-Холь на р. Улуг-Хем. Но мировой судья рассматривал дела в Минусинске, считая, что выездные суды будут ставить его в зависимое положение. Из-за простого незнания процессов расследования преступлений и проведения суда, когда без согласия на то тувинских нойонов и чиновников арестовывали подозреваемых, силой проводили свидетелей, определяли обвиняемых в Минусинскую тюрьму во время предварительного расследования,¹ — все это приводило к конфликтным ситуациям. Следует сказать, что в случае конвоирования обвиняемых из Тувы до Минусинска или Усинска, протяженность которой составляла 300-500 верст, нужно было пользоваться паромом, плотами через реки, идти по грунтовой дороге.

В юрисдикцию мирового судьи входили дела гражданского и уголовного права, возникающие не только между русскими, но и проступки и преступления, совершенные русскими в отношении «туземцев» и иностранных подданных, а также «все гражданские дела, возникающие по искам, предъявляемым к русским как соотечественниками, так равно иностранным подданными и туземцами» [9, с. 99]. В случае волеизъявления мировыми судьями также рассматривались дела между тувинцами при наличии согласия своего нойона. В большинстве случаев тувинцы все же опасались обращаться к русскому суду, поскольку «туземцы больше всего боятся Минусинской тюрьмы, где они быстро и в большом относительно числе погибают» [9, с. 306]. Как писал в своих воспоминаниях И. Г. Сафьянов, в Минусинской тюрьме много тувинцев «погибли в каменных казематах царского застенка, не перенеся сырости стен, холода, асфальтового пола, где тувинцы спали без какой-либо подстилки, а также непеченного черного хлеба» [8, с. 105]. В случае необходимости в Туву должны были выезжать выездные сессии окружного суда. Решения, вынесенные окружным судом считались окончательными и обжалованию не подлежали.

Общими полицейскими полномочиями по расследованию преступлений и проступков был наделен заведующий пограничными делами Усинского округа А. П. Церерин, назначенный в середине 1913 г. Согласно «Инструкции», по смешанным искам русских с тувинцами последний оказывал лишь консульскую помощь, а гражданские и уголовные дела между русскими были подсудны «ближайшим русским судебным установлениям» [6, с. 239]. После утверждения В. К. Габаева в качестве заведующего устройством русского населения в Урян-

¹ Согласно традиционного суда, только после вынесения судебного решения, виновный подвергался какому-либо наказанию.

хайском крае, заведующий пограничными делами А. П. Церерин передал ему все административные дела русского населения, смешанные полицейские дела, а также «дела по земельным недоразумениям» между русскими и тувинцами.

В апреле 1914 г. Николай II поставил резолюцию «Согласен» на докладной записке министра иностранных дел С. Д. Сазонова о принятии населения Урянхайского края под протекторат России. С этого момента началось активное внедрение русской юрисдикции и были предприняты несколько попыток «постепенного и безболезненного распространения» [9, с. 150] русской судебной системы.

В июне 1914 г. Государственный Совет и Государственная Дума Российской империи приняли закон «Об учреждении должности по делам Урянхайского края и об установлении штата управления сего комиссара», утвержденный российским императором. Затем была принята «Инструкция должностным лицам управления Усинского пограничного округа и Урянхайского края». Согласно ей, комиссар выполнял обязанности общей полиции по расследованию преступлений и проступков, а также исполнял судебные решения.

Договор по судебным делам

На практике непросто было лишить тувинских чиновников судебной власти, тем более традиционное судостроительство не было отменено, смешанные дела по-прежнему решались на чыышах. Первый шаг в этом направлении был осуществлен переселенческим чиновником В. К. Габаевым, который в июне 1914 г. заключил договор по судебным делам с правителем одного из самых многонаселенных хошунов Тувы — М. Буян-Бадыргы. В нем было прописано, что все тяжкие уголовные преступления (убийство, воровство, грабежи, подлоги и др.), возникающие между тувинцами должны передаваться мировому судье и соответственно рассматриваться по русским законам. Ведению тувинских чиновников оставались все гражданские и мелкие уголовные дела, в том числе между русскими и тувинцами. Последнее шло в разрез с установлениями Совета Министров от 16 мая 1914 г., и стало поводом обращения И. Г. Щегловитова к главноуправляющему землеустройством и земледелием А. В. Кривошеину с требованием, чтобы российские власти в Туве руководствовались принятыми решениями [6, с. 393]. Впрочем, последний придерживался такого же мнения, но только, по его мнению, нужно «постепенно насаждать среди урянхов правильное управление, суд и законы, сообразованные, однако, с местными особенностями и нуждами и первоначально близкие к обычаям населения» [6, с. 389].

Положение о смешанном суде между русскими и тувинцами

Переходным от традиционного суда к суду русской юрисдикции стало разработанное в апреле 1915 г. «Временное положение о смешанном суде между русскими и урянхайцами», утвержденное комиссаром по делам Урянхайского края В. Ю. Григорьевым. В основу данного документа вошли положения волостного суда крестьянского

самоуправления Российской империи. Особый суд состоял из пяти избираемых судей: два тувинских чиновника, два — из русского населения, а пятого — председателя назначал заведующий устройством русского населения в Урянхае. Судьи выбирались на один год. Не подходили кандидаты «моложе 30 лет, лишенные прав, отбывшие тюремное наказание по приговору суда, состоящие под судом и следствием» [9, с. 198].

Смешанным судам были подсудны гражданские иски на сумму до 500 рублей, незначительные уголовные преступления между русскими и тувинцами. Кроме того, они могли рассматривать дела в случае согласия между тувинцами и между русскими в пределах своей компетенции. Судопроизводство в этих судах было публичным и устным, решения принимались большинством голосов. Решения суда можно было обжаловать в месячный срок заведующему устройством русского населения в Урянхае. Введением смешанных судов русские власти добивались полного исключения пыток и истязаний «как средства расследования и телесного воздействия, как меры наказания» [4, л. 171 об.] и, таким образом, как верно отмечает Н. М. Моллеров «“де юре” избавлены от пыток и телесных наказаний в ходе дознания, физические наказания заменялись тюремным заключением», но «“де-факто” на деле они применялись и в период ТНР, по крайней мере всю первую половину 1920 годов» [7, с. 126].

Но претворение в жизнь данного положения встретило некоторые трудности, связанные с тем, что не был до конца разработан вопрос, каким образом должны доставляться свидетели и обвиняемые при расследовании дел или на судебное разбирательство. Поэтому, руководствуясь тем, что «правосудие должно совершаться неуклонно и беспрепятственно», [6, с. 409] комиссар В. Ю. Григорьев адресовал циркулярное письмо М. Буян-Бадыргы. В нем указывалось, что все распоряжения русской полиции и мирового судьи не только «должны быстро и точно выполняться дзанги и мейринами» (п. 13), кроме того, они по требованию полицейского пристава, мирового судьи или комиссара сами незамедлительно обязаны явиться (п. 15) [6, с. 410]. Здесь же указывалось, что «все дела судебные находятся у мирового судьи и разбираются им по русским законам, более важные отсылаются в окружной суд (п. 4)» [6, с. 409]. Таким образом, комиссар аннулировал ранее им же заключенный договор.

После принятия этого документа за 1916 г. в одном только Хемчикском хошуне судья А. В. Барашков назначил «около миллиона рублей долговых обязательств тувинским арамам, выданных разным русским торговым фирмам, и более трехсот тысяч рублей неоплаченных гражданских исков... к уплате русским купцам и переселенцам в возмещение за уведенных у них тувинцами лошадей и скот» [8, с. 106].

Два проекта — две точки зрения

В ноябре 1915 г. правители Хемчикского, Бээзи и Оюннарского хошунов разработали правовые нормы, регулирующие гражданские, семейные

и уголовные нормы. Основной целью выработки данных положений по признанию самих участников совещания являлось установление следующих норм: «твердо... держаться прежних своих обычаев, исповедовать желтую религию и все вопросы по этим делам решать самостоятельно» [1, л. 1]. Таким образом, можно сделать вывод, что тувинское общество не было готово к таким резким переменам, как административная и судебная реформы, а чиновники разных рангов — расставаться со своими широкими полномочиями. Документ носит отпечаток своего времени, т. е. регулирует общественные отношения, которые обострились в рассматриваемое время.

Данный юридический памятник состоит из преамбулы и восьми статей. Большую часть составляют уголовно-правовые нормы. В нем указываются такие понятия как «рецидив», «зачинщик», «соучастник», «подозреваемый».

Прописанная система преступлений и наказаний несла в себе отпечаток «Уложения Китайской Палаты внешних сношений». В систему преступлений входили преступления против собственности (воровство скота, имущества или товара), преступления против государственного порядка (коррупция, превышение должностных полномочий чиновниками, лжесвидетельство), преступления против общественного порядка (бродяжничество, распитие спиртных напитков).

Целью наказания было возмещение убытка. Система наказаний, как и в «Уложении Китайской Палаты внешних сношений», включала в себя тюремное заключение, телесное наказание, штраф и ношение деревянной колодки. За одно и то же деяние назначали два и более наказаний (ношение колодки от 15 дней до 1 месяца и телесное наказание от 50 до 100 ударов плетью). Зачинщику преступления (тэргуун хулгайч) назначали более строгое наказание, чем соучастнику (дэд хулгайч) [2, л. 59—64; 3, л. 19—20; 1, л. 1—2 об.].

Очередную попытку реформирования судебной системы предпринял комиссар В. Ю. Григорьев в самом начале 1917 г. с основной целью реорганизации системы традиционного судоустройства тувинцев. На этот раз решено было адаптировать статьи в части судоустройства «Временного положения об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области», утвержденного 23 апреля 1901 г. Оно, как считал комиссар, наименьшим образом «внесет некоторую ломку в явления туземного уклада жизни» [9, с. 266], поскольку «обеспечивает возможность довольно широкого применения обычного права» [9, с. 266].

Согласно данного Положения, территориальной единицей являлась волость и соответственно во главе ее стоял волостной старшина, который избирался на сходе сроком на четыре года. В каждой волости учреждались инородческие суды, состоящие из трех судей, в том числе и председателя суда. Судьи, как и старшины, избирались волостным сходом на четыре года.

Участники совещания по данному вопросу пришли к единому мнению, что введение кодекса даже с учетом изменений, преждевременно, поскольку

необходимо предварительно или, в крайнем случае, параллельно реформировать административное устройство края. Если же не проводить эти изменения, то, по мнению комиссара, многочисленных бюрократический аппарат, у которого «главной отраслью служебной деятельности... является именно судебная» [9, с. 268] останется не у дел и это может привести к «чиновничьему кризису» [9, с. 268].

Но, тем не менее, участники совещания выработали свои предложения по изменению статей для адаптации к местным условиям. Так, инородческий Урянхайский суд должен был состоять из районного инородческого суда и участкового съезда инородческих судей. При этом последний был бы судом второй инстанции. К избранию в качестве судьи не допускались лица подвергавшиеся судебному преследованию или состоящие под судом или следствием «за преступления и проступки, влекущие наказания не ниже тюремного заключения» [9, с. 268]. Кроме того, они учли особенность осужденных тувинцев, для которых тюрьма являлась особо тяжким наказанием и которые «обнаруживают гораздо больший страх перед заключением под стражу, нежели перед истязанием» [9, с. 267], и в наказание в виде тюремного заключения рекомендовано только за кражи, мошенничество, обман и присвоение чужого имущества, цена которых не превышает 300 рублей (статьи 169—177 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями).

Обеспечение явки в суд обвиняемых и свидетелей возложили на хошунных и сумонных чиновников. Если они не являлись в суд без уважительных причин, то по определению суда подвергались штрафу до пяти рублей. Исполнение решения и приговоров инородческого суда возложили также на хошунных и сумонных чиновников, а контроль за исполнением на крестьянского и инородческого начальников [9, с. 264].

Но вскоре грянули большие перемены в России и данный проект остался лишь на бумаге.

Подтверждение российского протектората над Тувой после 1917 г.

После февральской революции 1917 г. в России в марте в Белоцарске состоялся первый съезд русского населения Тувы, где был избран Временный краевой комитет. В нем и последующих съездах подтвердили незыблемость протектората России над Тувой.

В результате заседаний русско-тувинского краевого съезда, который состоялся 13—16 июня 1917 г., было решено практически без изменений оставить судоустройство по смешанным делам. Мировой судья для разбирательства должен был выезжать в русские поселки. При этом для защиты своих прав в судебных разбирательствах разрешалось участвовать тувинским нойонам и чиновникам, а в свою очередь, русским также могли обращаться «за решением смешанных дел к соответствующим нойонам и чиновникам» [6, с. 433]. Тяжкие преступления среди тувинцев рассматривались в русском суде, а мелкие уголовные и все гражданские дела по-прежнему оставались в компетенции тувинских нойонов и чиновников

Как правильно отмечает Н. М. Моллеров: «Судебная система в Туве в условиях российского влияния и протектората представляла собой оригинальный синтез обычного права, маньчжурских и российских законов» [7, с. 126]. Русские власти на разных уровнях изучали возможности распространения русской юрисдикции на тувинцев. Основным камнем преткновения для полного введения русской юрисдикции в Туве были условия протектората, которыми обговаривалось, что тувинские власти приняли «обязательство не иметь никаких сношений с иностранными ... властями, иначе как чрез посредство лица, представляющего на месте Российское Правительство» [36], а во внутренних делах решали все дела самостоятельно. Тувинские правители крепко держались за данные постулаты и установившие традиционные административное и судебное управления

Литература и источники

1. ГАРТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 22.
2. ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 239.
3. ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 252.
4. ГАРТ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1.
5. История Тувы : в 3 т. — Т. 2. — Новосибирск : Наука, 2007. — 428 с.
6. Колониальная политика русского царизма в Туве : сб. докум. — Б/м : б/г. — 472 с.
7. Моллеров, Н. М. Судебная система Урянхайского края в условиях российского протектората / Н. М. Моллеров // Центральноазиатские исторические чтения : сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф. (г. Кызыл, 20—21 июня 2014 г.) ; ред. З. Ю. Доржу, В. М. Дамдынчип, А. А. Сторженко. — Кызыл : ТувГУ, 2014. — С. 121—127.
8. Сафьянов, И. Г. Тува в прошлом : в 2 т. / И. Г. Сафьянов. — Т. 2 — Москва, 2012. — 315 с.
9. Собрание архивных документов о протекторате России над Урянхайским краем (Тувой) (к 100-летию исторического события). — Кызыл, 2014. — 479 с.

САМДАН Аяна Анай-ооловна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Тувинский институт гуманитарных и прикладных исследований, (г. Кызыл, Российская Федерация). E-mail: samayana@mail.ru

Поступила в редакцию 12 декабря 2019 г.

DOI: 10.14529/ssh200109

INTRODUCTION OF RUSSIAN JURISDICTION TO THE URYANKHAY REGION (1914—1917)

A. A. Samdan, samayana@mail.ru

Tuva Institute of Humanities and applied research, Kyzyl, Russian Federation

The article discusses attempts to reform the judicial system during the Russian protectorate over the Uryankhai region. This issue was studied at different levels, including two times discussed in the Council of Ministers of the Russian Empire with the participation of ministers of internal and foreign affairs, the governor-general and representatives of local authorities. Since the judicial and administrative devices intertwined with each other, the introduction of Russian jurisdiction was fully complicated precisely with the impossibility of carrying out administrative reform in Tuva. In addition, the Tuvan rulers were not ready for change, or rather, did not want them. The judicial power, which was exercised by almost all Tuvian officials, was almost the main part in their activities. Differences in the pre-trial and judicial investigation of Russian and traditional Tuva proceedings, for example, when during a preliminary investigation Tuvian accused were imprisoned, and in a traditional court only after a court sentence was passed, the perpetrator was punished — led to a certain misunderstanding on both sides. Most of all, Tuvans were afraid to be in prison, where in most cases they were fatal, and preferred traditional punitive measures such as beating whips, wearing shackles, etc.

The Russian authorities developed a provision on a mixed court, and later tried to adapt to local conditions the provision on the organization of the court of nomadic aliens from the Transbaikal region. But the revolutionary events in Russia and other reasons did not allow them to realize.

Keywords: Tuva, judicial authority, mixed courts, traditional court.

References

1. GART. F. 112. Op. 1. D. 22.
2. GART. F. 115. Op. 1. D. 239.
3. GART. F. 115. Op. 1. D. 252.
4. GART. F. 123. Op. 1. D. 1.
5. Istorija Tuvy [History of Tuva]. Novosibirsk: Nauka, 2007, v. 2, 428 p.
6. Kolonial'naya politika russkogo tsarizma v Tuve. Sbornik dokumentov [The colonial policy of the Russian Tsarism in Tuva. Collection of documents], 472 p.
7. Mollerov N. M. Sudebnaya sistema Uryanhajskogo kraja v usloviyakh rossijskogo protektorata [The judicial system of the Uryankhaysky region under the conditions of the Russian protectorate]. *Central'noaziatskie istoricheskie chtenija: Sb. mater.*

III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Z. Ju. Dorzhu, V. M. Damdynchap, A. A. Storzhenko (red.). Kyzyl: TuvGU, 2014, pp. 121-127.

8. Saf'janov, I. G. Tuva v proshlom [Tuva in the past], v. 2, Moscow, 2012, 315 p.

9. Sobranie arhivnykh dokumentov o protektorate Rossii nad Uryanhajskim kraem (Tuvoj) (K 100-letiju istoricheskogo sobytiya) [Collection of archival documents on the protectorate of Russia over the Uryanhai region (Tuva) (To the 100th anniversary of the historic event)]. Kyzyl, 2014, 479 p.

Received December 12, 2019

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Самдан, А. А. Введение русской юрисдикции в Урянхайский край (1914—1917 гг.) / А. А. Самдан // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2019. — Т. 20, № 1. — С. 55—60. DOI: 10.14529/ssh200109

FOR CITATION

Samdan A. A. Introduction of russian jurisdiction to the Uryankhay region (1914—1917). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2020, vol. 20, no. 1, pp. 55—60. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh200109
